

ОТ АВТОРА

Это странная книга. Можно даже сказать, что это вообще не книга. У нее нет ни начала, ни конца. Нет ни завязки, ни развязки. Наконец, нет сюжета. Но то, что вы держите сейчас в руках, очень похоже на книгу, ведь так?

Попробую объяснить вам, что именно вы держите в руках.

В самом начале 90-х знаменитый американский телеведущий, человек, создавший жанр ток-шоу, Фил Донахью пригласил меня в Нью-Йорк, чтобы вместе с ним делать программу с чрезвычайно оригинальным названием POZNER & DONAHUE («ПОЗНЕР и ДОНАХЬЮ»). Когда я спросил Фила, почему «Познер и Донахью», а не «Донахью и Познер», ведь он намного более известен американскому зрителю, чем я, он ответил: «Если программа провалится, пусть лучше называется «Познер и Донахью».

Программа не провалилась, напротив, она была очень успешной, имела высокий рейтинг и просуществовала почти семь лет. Она была закрыта по решению нового президента телеканала CNBC Роджера Эйлса*, который считал ее слишком либеральной и потребовал, чтобы в новом контракте был пункт, обязывающий нас заранее сообщать ему

* Если вы видели фильм *Bombshell* («Скандал»), посвященный его персоне, то мне рассказывать о нем нет смысла, если не видели, то не хватит места. Скажу лишь, что это был один из самых реакционных и мерзких персонажей в истории американских СМИ.

тему будущей программы и фамилии предполагаемых гостей, без чего она не могла выйти в эфир. Мы сочли это цензурой и отказались, контракт наш не был продлен, и программа исчезла. Впрочем, это совсем другая история, она не имеет отношения к тому, о чем я хочу рассказать вам.

За годы работы в Америке я стал поклонником одной телевизионной программы, название которой «60 минут» (позже это название, совершенно не стесняясь плагиата, присвоили себе программы в других странах, в том числе в России). Она была создана в 1968 году и по сей день выходит раз в неделю в прайм-тайм на канале CBS. Итого пятьдесят три года с небольшим. Это абсолютный телевизионный рекорд.

Формат программы «60 минут» таков: три самостоятельных интервью и в завершение двух-трехминутный комментарий. Если мне не изменяет память, костяк «60 минут» составляли пять блестящих интервьюеров, причем у каждого был свой «конек». А вот автором завершающего комментария был всегда один человек — Энди Руни, журналист и публицист, отличавшийся острейшим языком и неподражаемым стилем. Я обожал его и восхищался им.

Еще работая в Америке, я прилетал в Москву один раз в месяц, чтобы записать две программы — «Мы» и «Человек в маске». Когда же я вернулся в Москву в конце 1996 года, то продолжал некоторое время делать эти программы, а в 2000 году стал автором и ведущим программы «Времена». Вскоре она стала очень заметной, по сути дела, была главной итоговой программой ОРТ/Первого канала. Просуществовала она восемь лет и прекратила свое существование по моей просьбе.

Несколько позже, объясняя свое решение в одном интервью, я сказал: «До “Познера” была программа “Времена”, которая была, на мой взгляд, очень хорошей — до определенного момента. Последней из этой категории была,

как мне кажется, передача, посвященная гибели «Курска». Потом, в связи с усилением так называемой вертикали власти, стало крайне сложно, а то и невозможно делать такие программы. В какой-то момент я просто понял, что не могу больше вести ее, и решил ее закрыть. С согласия Константина Львовича (Генеральный директор Первого канала Константин Львович Эрнст. — *Прим. ВП*). И тогда я предложил вместо нее программу «Познер»».

Программу «Времена» я завершал небольшим комментарием, который заканчивался словами «Вот такие времена», то есть я взял на вооружение придумку Энди Руни.

Когда я стал делать программу «Познер», то завершал ее таким же образом, добавив в конце слова «Удачи вам и приятных сновидений», которые я «одолжил» у другого выдающегося американского журналиста Эдуарда Р. Марроу.

Совершал ли я плагиат? Нет, не совершал, поскольку публично признаю авторами идеи Руни и Марроу.

Что до моего комментария, то у него не было никакого названия, пока телевизионный критик Ирина Петровская не нарекла его «прощалкой». Так что и это не моя идея.

Наконец, сама эта «некнига» появилась на свет, благодаря моей дочери Кате, которая в телефонном разговоре уговорила меня предложить эти «прощалки» издательству АСТ. К моему удивлению, предложение было принято. Но опять, то было не моей идеей.

Так что моей заслуги здесь нет ни в чем. Кроме, конечно, как в сочинительстве самих «прощалок».

I.

2008—2009

На днях я посмотрел большой специальный репортаж американской телевизионной сети CNN. Причем было сказано, что это репортаж первого западного журналиста, которому открыли неограниченный доступ в Южную Осетию. Вообще репортаж большой и абсолютно объективный. И из него вытекает, вне всяких сомнений, два факта. Во-первых, войну в Южной Осетии начала Грузия. Во-вторых, грузинской стороной были использованы военные средства против мирного населения в абсолютно непозволительном размере. То есть, в общем, там сказаны вещи, которые мы с вами знали, но которые на Западе не говорились.

И получается, что потребовалось три месяца, чтобы самая известная, самая авторитетная информационная служба, а именно CNN, наконец сообщила своим зрителям вот эти факты. Можно ли сказать, что лучше поздно, чем никогда? Ну, наверное, можно. Но возникает вопрос: а почему поздно? Да потому что на самом деле западных журналистов не очень-то пускали в Южную Осетию. А вот грузинская сторона пускала. И не только пускала, но даже и зазывала. Как действует журналист, когда с одной стороны — шлагбаум, а с другой стороны — широко распахивают дверь? Он ведь тоже человек, и он на это реагирует.

Я думаю, что иностранным журналистам не давали возможности работать в Южной Осетии с самого начала, потому что полагали: они все равно правды не скажут, и поэтому лучше их не пускать. А теперь видите — произошло то, что произошло.

Я очень надеюсь, что из произошедшего извлекут соответствующие уроки. Журналисты есть всякие — честные, нечестные, на Западе, на Востоке... Но все-таки им надо давать возможность работать.

Было немало событий на прошлой неделе, но, пожалуй, более всего меня задело за живое одно. Не политическое, не экономическое, не социальное. Скорее, спортивное. Хотя если вдуматься, то оно, конечно, выходит за пределы спорта.

На прошлой неделе московское «Динамо» играло с командой «Зенит» из Санкт-Петербурга. И вот во время игры группа болельщиков «Зенита» подняла баннер, на котором было написано: «Яшин сдох, и “Динамо” сдох».

Я знал Льва Ивановича Яшина, не очень близко, но знал, встречался с ним несколько раз, и это был удивительно добрый, спокойный, рассудительный человек. Пожалуй, главным его качеством было чувство собственного достоинства. Он себя уважал, и поэтому, кстати говоря, уважал других. Именно поэтому, наверное, его все называли только по имени-отчеству — Лев Иванович. И когда играл, и после того как ушел.

Вот в игре я видел Яшина множество раз. Это был не хороший вратарь, не великолепный вратарь, не выдающийся вратарь. Это был гениальный вратарь. Я видел, как он защищал ворота сборной мира, когда праздновали столетие английского футбола, и он там вытворял что-то неопишное. Не знаю, уместно ли это слово, но Яшин в воротах — это была поэзия. А теперь вот это вот — «Яшин сдох».

Авторы этой мерзости на самом деле ведь не оскорбили Яшина. Они до него, до его памяти дотянуться не могут. Но они оскорбили свою собственную страну. Они оскорбили свой собственный город. И они оскорбили, конечно, ту команду, за которую они таким образом болеют. Вот говорят: их найдут по фотографиям и накажут. Я бы не стал наказывать. Я бы эти фотографии показывал по телевидению, я бы их разместил в интернете на всех сайтах, чтобы народ знал своих героев. И чтобы им никто руки не пода-

вал, и чтобы их сторонились. Ну, как сторонятся человека, от которого дурно пахнет.

Главным событием прошлой недели был террористический акт в Мумбаи. О нем говорили и писали во всех СМИ — и международных, и, конечно, российских. Но я заметил с некоторым не то чтобы удивлением, но огорчением, что определенная часть наших граждан отнеслась к произошедшему как к чему-то, в общем, не касающемуся их. Это произошло там. Да, конечно, жалко этих людей, но это нас не очень-то касается. Такой был высказан взгляд людьми вполне интеллигентными, как ныне говорят — продвинутыми, либеральными, демократических взглядов и прочее.

И размышляя над этим, я вспомнил слова моего любимого английского поэта Джона Донна. Он жил в первой четверти XVII века, в молодости был повесой, драчуном, бегал за женщинами, пил, хулиганил. И писал совершенно гениальные стихи. Потом он остепенился, ушел в религию, стал очень известным священником и уже писал проповеди и так называемые медитации.

Так вот в 17-й медитации он написал следующее. *«Человек не остров, сам по себе завершённый. Каждый человек — часть материка, часть суши. Если морем смоем комок, Европа становится меньше. Точно так же, как если бы смыло мыс. Точно так же, как если это случилось бы с домом твоего друга или твоим собственным домом. От смерти любого человека я убываю, потому что я — часть человечества. И поэтому никогда не посылай узнавать, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе».*

Государственная дума приняла в первом чтении проект поправок к актам, имеющим отношение к борьбе с терроризмом. И там идет речь о том, чтобы суд присяжных не принимал участие в таких делах. Но это касается не только террористов. Речь также идет о том, чтобы присяжные не участвовали в делах о массовых беспорядках, о захвате заложников, об организации незаконных вооруженных формирований, о шпионаже, о предательстве...

Автором этой поправки является Владимир Абдуалиевич Васильев, глава думского Комитета по безопасности. И он аргументировал свою позицию двояко. Он сказал: во-первых, у нас есть такие республики, где до 80% населения связано семейными, тейповыми и прочими узами. И по традиции там нельзя действовать против родственников, нельзя осуждать родственников. Поэтому присяжные в этих республиках оправдывают, скажем, террористов или дают им очень несерьезные сроки. А во-вторых, террористы знают в лицо присяжных, и присяжные их боятся.

Я хорошо знаю Владимира Абдуалиевича, он бывал не раз в программе «Времена», он мне всегда казался человеком умным, порядочным, честным. И вот исходя из этого, я надеюсь, что он услышит то, что я скажу, да и не только он. В тех республиках, о которых он говорит, этими связями, путами соединены не только присяжные, но также и судьи, и прокуроры. Значит, может быть, такого рода процессы нужно просто перенести из этих республик в другое место, где другие судьи, другие присяжные, другие прокуроры. И вроде тогда не будет этой проблемы. Кроме того, все остальное, о чем идет речь, совсем не обязательно имеет отношение к терроризму: там измена Родине, шпионаж... при чем тут терроризм? Но почему-то и здесь считают нужным убрать присяжных.

На самом деле я хочу сказать вот что. Если развитие демократии и гражданского общества в России остается приоритетным делом, то нужно не только не ограничивать суд присяжных, его нужно расширять. И более того, следовало бы добиться того, чтобы когда суд присяжных принимает обвинительный вердикт, все двенадцать человек обязательно так проголосовали, а не только семь, как сегодня у нас. С моей точки зрения, этот законопроект антидемократичный по своему существу. Скорее всего, он отражает недовольство тем, что присяжные более справедливы и менее податливы, чем иные судьи.

Я хочу напомнить вам о двух событиях, которые произошли на прошлой неделе. Одно весьма известное, другое не очень. Первое касается показа по телевидению, английскому Sky News, того, как человек уходит из жизни, воспользовавшись тем, что называется эвтаназией. Шуму было необыкновенно много, на разных станциях, в мире, в том числе и у нас. Как можно показывать смерть по телевидению?.. По-моему, это возмущение просто смешно. Я подумал о том, как часто показывают смерть и трупы людей — с утра до вечера, во всем мире. Причем не только в кино, но и в реальности: смерть от землетрясений, от цунами, от обвалившегося дома, от голода, от войны. И вроде бы ничего, все это можно.

На самом деле вопрос в том, почему это показали. Ведь этот человек, который так ушел из жизни, сам этого хотел. Он для этого пригласил журналистов. И запись показали только спустя два года после его смерти. Тем самым он хотел нам с вами сказать: вы имеете право выбрать, хотите вы жить или нет. Вы можете страдать до конца, пока не умрете сами по себе. Но у вас есть право распоряжаться собою.

Я вспомнил, как один мой хороший знакомый уже девять месяцев лежит в глубокой коме, у него не работают полушария мозга, он подключен к разной аппаратуре. Шансов на поправку ни малейших. И сейчас решается вопрос с его родственниками: отключать его или не отключать. Так вот я бы хотел сам решить вопрос, отключаться мне или не отключаться. Поэтому я поддерживаю такие вещи.

И второе. В Вашингтоне 20 января состоится инаугурация избранного президента Барака Обамы. И съедется туда огромное количество народу. Нет ни одной не переполненной гостиницы. Все квартиры, которые имеют вид на то место, где это будет происходить, давно сданы за очень большие деньги. Все хотят присутствовать. Сам президент хочет переехать в Вашингтон до рождественских каникул, чтобы его дети после каникул сразу пошли в новую школу. И он попросился в дом, который называется Блэр-Хаус. Этот дом удобно охранять. Там всегда проводятся такие важные мероприятия, там часто живут крупные государственные деятели, приезжающие в Америку. И Обама захотел переехать в Блэр-Хаус.

Его помощники обратились с этим запросом, но им ответили: нет, все занято до 15 января. Это сказали избранному президенту! И он с этим согласился. И действительно, 15 января он переедет в этот дом на пять дней, до инаугурации, а потом — в Белый дом.

Почему я это вам рассказал? Да не знаю. Мне просто показалось, что это любопытно.

В связи со всеми вопросами вокруг нашего автопрома и призывами сесть за руль отечественных машин я вспомнил вот какую историю. Это было еще во времена президента Джона Фицджеральда Кеннеди в Соединенных Штатах.

Выступил главный хирург страны (там есть такая должность), который сказал, что здоровье американской нации находится в опасности и что главная причина этого — сидячий образ жизни. Но что делать? Не прикажешь ведь людям бегать. В Белом доме это обсудили и решили, что есть только один способ что-то сделать — это личный пример. Сам Джон Кеннеди был тяжело ранен во время Второй мировой войны, он бегать не мог. Но побежал его брат Роберт. Побежал под камерой, перед телевидением, чтобы вся страна это видела. И вы знаете, это возымело действие. Америка побежала.

И потом президенты США — не все, но большинство — всегда бегали. И Клинтон бегал, хотя он был толстоват, и Буш-старший, и Буш-младший... В общем, все они бегали, и обязательно публично, чтобы служить примером.

Но вернемся к автопрому, который надо спасать. Там работает 10 миллионов человек, они кормят свои семьи... не дай бог это все закроется, это же невероятное количество людей лишатся работы. Но чтобы люди понимали это, почему бы чиновникам — всем, от верха до самого низа, то есть людям, которые занимаются государственными делами, большими и мелкими, почему бы им не показать пример? Почему им не пересесть на машины российского производства? Плохие машины? Ну так пускай делают лучше. Но поначалу надо пересесть. Причем я совершенно не за то, чтобы, скажем, президент ездил на «Жигуле». В конце концов, в советское время высшее руководство ездило на ЗИЛах. Но это были российские машины, сделанные вручную. Российские, а не иностранные.

Я это говорю абсолютно без иронии. Мне кажется, что такой пример мог бы иметь какое-то влияние. Это не панацея, и в Америке не все бегают. Но все-таки сдвиг мог бы быть весьма значительным.

Завтра в мире отмечается Международный день холокоста. Как вы думаете, если провести опрос, скажем, ста человек подряд, на улице любого нашего города — Москва это будет, или Питер, или еще какой-нибудь город, и задать вопрос: «Что такое холокост?», какой процент ответит правильно? Я думаю, что, может быть, 10%, и то, возможно, я преувеличиваю. Причем, скорее всего, бóльшая часть из ответивших правильно — это будут люди, которые помнят Вторую мировую войну. А молодежь, я думаю, вообще не будет знать, о чем идет речь.

Я знаю, что трудно дать определение понятию «холокост», но все-таки попробую. Холокост — это ряд мер, принятых гитлеровской властью в Германии и направленных на то, чтобы уничтожить всех — до последнего человека — евреев. Это была чуть ли не первая в истории попытка уничтожить целый народ, ну если не иметь в виду некоторые библейские сказания. Конечно, были другие явления, которые можно назвать геноцидом, но не холокостом. Ну, например, то, что происходило с американскими индейцами в XVIII—XIX веках: это был геноцид, но никак не стремление полностью уничтожить всех.

Всего во время холокоста было уничтожено около шести миллионов евреев. И надо сказать, что вначале, когда все это происходило, мир к этому относился довольно, скажем так, спокойно. Только после того как кончилась война, был Нюрнбергский процесс и все это стало известно. Вот только тогда мир ужаснулся и, собственно говоря, этот день было решено отмечать.

Сегодня есть целый ряд стран, например, Великобритания, Германия, Франция, где отрицание факта холокоста является, ни много ни мало, уголовным преступлением. В России это не так: в России можно отрицать холокост как явление без всякого наказания. Но все-таки Междуна-

родный день холокоста будет отмечен и в России, правда, наверное, всего лишь несколькими еврейскими организациями.

Впрочем, я скажу вам совершенно откровенно, я этому не удивляюсь. Ведь если иметь в виду, что человек, который практически разрушил эту страну, лежит в Мавзолее, построенном для него в знак почести, а другой человек, который повинен в смерти десятков миллионов своих сограждан, мог всерьез претендовать на звание «Лицо России», что этому удивляться?

Почти ровно шестьдесят лет тому назад, 28 января 1949 года, в газете «Комсомольская правда» вышла статья о безродных космополитах. Ну, и началось: сосед доносил на соседа, учитель — на ученика, а ученик — на учителя, студент — на профессора, профессор — на студента. Была объявлена охота на фамилии. На самом деле Семен Гарин — не Гарин, а Самуил Герштейн, и так далее. Сколько людей потеряло работу, сколько людей было выгнано из институтов! Вообще это одна из самых позорных страниц современной истории России.

Мне казалось, что такие вещи нужно напоминать, признавать их и не давать забывать о них. Я не знаю, говорится ли в какой-то газете или где-то еще об этой печальной годовщине. А надо бы. Все-таки какое-то очищение должно быть. И вообще, может быть, название таких газет, как «Комсомольская правда» или «Московский комсомолец», тоже следовало бы изменить?

Эту программу я хотел бы завершить несколькими словами о музыке и задам вот какой вопрос. А вообще музыка имеет отношение к политике? Или политика имеет отношение к музыке? У каждого свой ответ. Мой ответ таков: да, имеет, в зависимости от того общества, в котором звучит музыка, и от обстоятельств, при которых она звучит. Скажем, песни Интербригады во время гражданской войны в Испании, конечно же, были политическими. И песни чернокожих американцев во время борьбы за гражданские слова, конечно, имели политический подтекст. Имели его, кстати говоря, и песни Булата Окуджавы, и Высоцкого. Ну это все понятно.

А что насчет музыки Шостаковича или, скажем, Прокофьева? Во время программы я упоминал, как, по сути дела, Политбюро заклеямило этих композиторов как буржуазных и преклоняющихся перед Западом. И джаз в советское время был полуподпольным. Один мой приятель, английский журналист, делает документальный фильм, который называется «Как “Битлз” разрушили Советский Союз». Ну, разрушить не разрушили, но вообще их боялись как огня. В общем-то, они были запрещены. Возникает вопрос: собственно говоря, почему? Как мне кажется, любое тоталитарное или авторитарное государство боится свободы, боится независимости. А любое искусство, будь то музыкальное или другое, по существу свободно и по существу независимо.

И кроме того, тоталитарные государства не выносят воспевания личности. А ведь искусство — это есть выражение одной отдельно взятой личности. Вот поэтому всякое искусство на самом деле имеет непосредственное отношение к политике.